

Симбирский пожар 1864 года

Лето было знойное. Безветрие и бездожие при 36 градусах температуры на солнце, даже иногда выше этого, томительно действовали на физические силы каждого: задыхались от жары и пыли, и только вечером можно было подышать свежим воздухом. Стены домов были так горячи от солнечного накала, что нельзя было приложить к ним руки. И вот в эту страшную африканскую сушь, 13 августа, вспыхнул пожар на Дворцовой улице. Говорили, что какая-то старообрядка, Зеленчуха, вздумала варить варенье под навесом сеновала; случайно искра зажгла сено, и несколько домов купца Андреева сделались жертвою пламени...

Древняя обитель Спасского девичьего монастыря, палладиум города Симбирска, обитель, предшествовавшая его основанию, была в большой опасности. Спасли ее на этот раз усердные молитвы инокинь, вышедших с образами навстречу огню, и направление ветра в противоположную сторону. Стечение народа было необъятное, потому что пожары в Симбирске дотоле, благодарение Богу, были в редкости. Последний припоминали назад тому за полгода: горел питейный дом на Панской улице, окруженный ветхими постройками, и, надо отдать честь пожарной команде, сгорел только один питейный со своею вывескою "Распивочно и навыность".

Настоящий пожар был, однако ж, немаленький: сгорело до девяти домов, и в числе их четыре каменные. Причину этого был недостаток в воде, в которой Симбирск, расположенный в среде двух рек, Волги и Свияги, сильно нуждается, более двадцати лет вздыхая об устройстве водопроводов, которые, как клад, ему не даются в руки. Да и до водопроводов ли было Симбирску? Благоделительные преобразования, начиная с эмансипации и оканчивая земством, поглощали всю деятельность администрации. Жалкая действительность повседневного быта от нее ускользала. При скудном пособии едва движущихся водовозов на тощих лошаденках, в гору за 5 верст привозящих воду из р. Свияги, пожар, начавшийся в полдень, был потушен к вечеру...

При ночной темноте дымились обгорелые остоны строений и обуглившиеся кучи имущества. В виду их поставлены были двое часовых, но вся пожарная команда разъехалась по частям своим. Да, разъехалась, утомленная необыкновенной своей деятельностью, и вместе со своим поли-

цейским начальником предалась сладким объятиям Морфея. На пожарище не осталось ни одной трубы пожарной, ни одной бочки с водою!.. Всероссийская беспечность проявилась здесь во всем своем блеске!

И вот в самую полночь загорелись холодные строения купцов Репьева и Кирпичникова... Ударили в набат. Пока приехали полицейские части, уже не холодные строения, а два больших двухэтажных каменные дома пылали как бы для новой потехи зрителям. Оба дома сгорели по недостатку в воде и негодности пожарных труб. Так прошла ночь с 13 на 14 августа...

С 14 на 15 августа, вечером часов около восьми, как только начали съезжаться в дворянское вечернее собрание, вновь раздались крики "пожар, пожар!", и быстро огромное зарево осветило весь город. Думали, что пылает магазин Кирпичникова с соблазнительными бриллиантовыми вещами, но не над ним расстилалось пламя. Горела Лосева улица, одна из самых людных частей города, за мостом или дамбою, где бывает базар, тесная, с деревянными сплошными постройками. В короткое время занялся целый квартал. Пожарная команда, обессиленная двумя предыдущими пожарами, действовала вяло...

Много в эту ночь погорело. Крик, плач и вопли бедствующих теперь еще живы в моей памяти...

К утру пожар прекратился... В этот день однако ж обращено было внимание на беспаспортных, и сказывают, что до 80 человек карманщиков и бродяг, которыми снабжают нас вместе с другими приволжскими городами железные дороги и пароходы, были схвачены полицией.

Утром 15 августа сильно дымилось еще пожарище в Лосевой улице...

В 7 часов вечера собралось в думу более 120 человек домовладельцев разных сословий. Спорили, голословно, всякий предлагал свое мнение, считая его лучшим. Но толку никакого не вышло... Наконец, положили избрать из среды себя 12 человек в роде депутатов и предоставить им обдумать средства, чтобы обезопасить город от дальнейших пожаров...

Августа 16 перед ранним обедом собрались все в городской думе, готовые слушать предложения депутатов. День был тихий и знойный, как и предыдущие. В самый разгар заседания вошел в залу гражданский губернатор. Его никем неожиданное появление всех удивило. Все встали со своих мест и окружили его в мол-

чании. Бледное, изнеможенное лицо его свидетельствовало, что много бессонных ночей проведено им было в душевной тревоге. Он хотел говорить стоя, физические силы ему изменили, и невольно должен он был присесть на скамью. "Извините меня, господа, - сказал он взволнованным голосом, - что я не могу стоя говорить с вами. Но мне нужно было вас видеть и просить вашего содействия...". Здесь он представил целый ряд мер, которые могли бы быть спасительны в настоящем бедственном случае...

Вечером 16 августа загорелся дом купца Завьялова на Большой улице, и огонь быстро охватил несколько домов. С трудом могли остановить всепожирающее пламя. Так прошла длинная, мучительно бесконечная ночь для бедных жителей Симбирска. К утру пожар, казалось, утих. Но вот 17 августа после обеда вспыхнуло нежилое недостроенное здание купца Беляева на Покровской улице. Отысканы были конюшенные метлы, в которые натканы были между прутьями фосфорные спички... всем, наконец, сделалось ясно, что пожары были не случайные, а преднамеренные, что злоумышленники решились испепелить весь город...

Августа 18 вновь пожар на реке Свияге рано утром разбудил барабанным боем истомленных и перепуганных жителей. К счастью, он был скоро потушен. Спустя немного времени загорелись улицы Стрелецкая, Мартынова, Шатальная и некоторые другие. Горели уже не дома, а целые кварталы были объаты пламенем. Тут погиб и прекрасный дом архиерейский с домовою крестовою церковью, дом, некогда принадлежавший богатому роду Ивашевых, консистория, воздвигнутая незабвенным преосвященным симбирским и сызранским Феодотием, Дом А.М. Языкова. Но всех не исчислишь... Горел прекрасный дом В.П. Языкова, однажды спасенный Голубковым, но в настоящее время ничто уже не могло спасти его. Пылала вся Казанская улица. Ветер был сильный, и, казалось, весь город обречен был на гибель. Страшное зарево стояло над двухсотлетним Симбирском, и огненные языки с густым дымом врывались в небо. Так прошла и эта страшная ночь, которую симбиряне долго будут помнить. Более чем в семи местах были поджоги!..

Позднее запылал дом губернаторский с своею обширною канцелярией, где истреблены огнем более тысячи уставных грамот. Горел великолепный

Границы пожара 1864 года на плане города Симбирска.

Здание дворянского собрания в период восстановления.

Губернская почтовая контора на фоне восстановленных храмов.

Улица Дворцовая после пожара 1864 года.

Карамзинская площадь и Спасский монастырь. Фото 1867 г.

Темным цветом выделе-
ны кварталы, застройка ко-
торых была уничтожена по-
жаром.

Троицкая церковь среди руин на месте выгоревшей жи-
лой застройки. Фотография датируется концом 1865 года.

Фото из фондов УКМ и коллекции А.С. Сытина.

дом дворянства с своею артистическою, созданною даровитым архитектором Бенземаном, большою залою, с Карамзинскою библиотекою, куда усердием сограждан были вложены многие редкие издания... с квартирою губернского предводителя А.И. Ермолова, который, равно как и гражданский губернатор, ничего не спасли из квартир своих... Горел комиссариат с огромным складом сукон. Обширные провиантские амбары с хлебом... Горели лучшие дома частных людей, аптеки, мясные ряды, погреба, пекарни и булочные... Сказывают, что много в этот день сгорело народу и взрослых, и малолетних... Тысячи людей теряли свою собственность, свой последний дорогой для каждого теплый угол, свой насущный кусок хлеба, теряли с наследием дедов достояние, приобретенное тяжким трудом целой своей жизни...

Я сам, перебравшись 18 числа с имуществом моим на больничную площадь, был не раз безмолвным и грустным свидетелем отчаяния растерявших свое имущество. И теперь еще как будто бы вижу перед собою коротко знакомого мне престарелого священника, ищущего жену свою. Не было слез в помутившихся очах страдальца, не сокрушался он о потере дома со всем имуществом. Лепетал язык одно драгоценное для него имя и невольные стоны вырывались из разбитого сердца: это была глубокая, невыразимая скорбь, которую ничто передать не в состоянии, скорбь неземная, выше человеческой...

Более полгорода вместе со мною вывезло свое имущество в соседство к городским больницам. На расстоянии двух или трех верст раскинуто было в беспорядке достояние каждого... Была ужасна эта картина, когда тысячи семейств бесприютных и голодных раскинулись огромным цыганским табором без палаток под открытым небом, посреди широкой площади и по полям, вдоль тянущимся...

Вот в небесной вышине вдруг, как

звездочка, ярко засветилась глава Свято-Троицкого холодного собора, которому первый камень в воспоминание изгнания галлов в 1812 году положен был в основание самим Александром Благословенным, где хранились знамена ополчений двух эпох совершенно различных. Погибла драгоценная всем святыня, и невольно вырвались слезы у каждого русского при этом грустном зрелище. Это был девятый или десятый храм православный, разрушенный в эту несчастную седмицу...

Другое зрелище, более трогательное, глубже потрясающее душу, видимо было в это время в противоположной части города, на Венце, там, где за рабочим домом открывается площадь — постоянный приют балаганщиков и фокусников, приезжающих в Симбирск в зимнее и летнее время года. На этой площади более двух тысяч народа всякого возраста и пола несли свои бедные пожитки, никак не подозревая, чтобы тот отдаленный угол Симбирска мог подвергнуться пожару. Между тем именно эту часть города обнял пламень, и, вспыхни только рабочий дом, не только б ничего из имущества, сложенного позади его, спасено не было, но погибли бы и все тысячи людей, которые на ней тесно расположились, спастись было некуда. Уже отчаяние овладело несчастными, видя страшные порывы и направление огненной бури. Слышны были громкие, слезные рыдания, раздавались отовсюду вопли о помощи. Никто не мог подать ее. Но вот явился священник с запасными дарами, спасшийся из близ горевшей церкви св. Илии, отец Павел. Многих пригласил он к близкой смерти, напутствуя утешительным словом, когда всякая надежда на спасение исчезла. В эту-то роковую минуту совершен был великий, мало кем замеченный подвиг, избавивший столь многих от неминуемой гибели. Смотритель рабочего дома Семенов... решил дать свободу своим арестантам, которые единодушно вызвались

помочь ему и честно сдержали свое слово. Сказывают, что все они в числе сорока человек бросились на крышу, постоянно заливая ее водою от сыпавшихся на нее каскадами искр и летящих галек, не давая ей загореться. Несколько часов сряду работали они под огненным дождем, их поливавшим. Работали неутомимо и спасли тюрьму свою, в которую по окончании пожара вновь сами возвратились...

20 августа весь город еще пепелился от бывшего накануне страшного пожара, в котором была истреблена телеграфная станция, губернская почтовая контора, занимавшая дом огромный, некогда принадлежавший дворянству и замечательный в историческом отношении — временным в нем пребыванием у первого домовладельца купца Пустынникова императрицы Екатерины II. Сгорели обе типографии — казенная и частная. Одним словом, погорело все то, что заявляет деятельную жизнь города и связует его в общию государственной жизнью.

В этот день, перед выездом моим из Симбирска (за большие деньги достал я себе лошадей) заехал я в опустелый дом мой. Стены его были голы... Здесь с семьей моей напился я в последний раз чаю, сидя на окнах, и, помолясь Богу, со слезами на глазах, простился с моим мирным уголком, который не суждено уже было мне увидеть... Через день после моего отъезда пожар дотла истребил его. Он был последнею как бы очистительною жертвою этой страшной катастрофы...

Невольно призадумался, глядя на изменчивость судьбы, выпавшей на долю Симбирска... Как несчастная вдовица, покрывшая голову пеплом, околевшая от осенней стужи, голодная, болезненная, с отчаянным воплем взывающая к небу, сиротствует ныне город среди дымящихся развалин, умолая о помощи в бедствии столь неизмеримо великом... Одна надежда симбирян на благодушные, неоскудевающие щедроты обожаемого Государя и на сочувствие всей России.

